СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ
И ЯЗЫКА
том 53 • № 4 • 1994

© — 1994 Д. В. САРАБЬЯНОВ

КАНДИНСКИЙ И РУССКИЙ СИМВОЛИЗМ

В статье устанавливается связь Кандинского с теорией и практикой русского символизма. В течение долгих лет (1896 — 1914) находясь в Германии, художник тем не менее не терял связь с художественной жизнью России. Развиваясь в русле русских живописных традиций, в конце 1990-х годов он подошел к восприятию символизма второй волны (Борисов-Мусатов, мастера «Голубой розы»). В начале 1910-х Кандинский выступил как теоретик, опубликовав книгу «О духовном в искусстве» и ряд других работ. В статье проводятся параллели между идеями Кандинского и русских поэтов-теоретиков В. Брюсова, Вяч. Иванова, Андрея Белого, а также композиторов А. Скрябина и Л. Сабанеева. Параллели касаются проблем скрытой жизни образа, его внутреннего звучания, роли интуитивного начала в творческом процессе, роли музыки в системе искусств, проблем синтеза искусств и др.

The papaer detects the ties between Kandinskiy and theory and practice of Russian symbolism. For many long years (1896 — 1914) the artist lived in Germany but did not lose his connections with Russia's fine arts. While developing within Russian painting traditions, in late 1900s he approached to perception of the second-wave symbolism (Borisov-Musatov, «Blue rose» masters). In early 1910s Kandinskiy came out as a theoretician and published his book «On the spiritual in art» and many other works. The paper draws parallels between the ideas of Kandinskiy and those of Russian theoretician poets V. Bryusov, Vyacheslav Ivanov, Andrey Bely, as well as composers A. Skryabin, and L. Sabanyeev. The parallels dran deal with the problems of the character's clandestine life, internal sounds, and the part played by intuitive beginnings in creative process, part played by music in the framework of art, the problems of art synthesis, etc.

Рассматривая творчество Василия Кандинского в его последовательном движении от ранних пейзажей и романтических сцен к беспредметным картинам, нетрудно прийти к выводу, что его искусство коренится в символизме. Постичь его сущность вне символистской проблематики не представляется возможным. Находясь с 1896 по 1914 г. в Мюнхене и органично войдя в художественную жизнь Германии, Кандинский воспринял последние достижения немецкого символизма и югендстиля. Но одновременно он сохранял связи с русской художественной культурой — писал отчеты о событиях, происходивших в художественной жизни Германии, в журнал «Мир искусства», участвовал в русских художественных выставках, следил за тем, что́ происходит в России и продолжал чувствовать себя представителем русской культуры. Естественно, возникает вопрос о том, как соотносится Кандинский с русским символизмом,— вопрос, мимо которого не могли пройти многие исследователи его творчества. Пожалуй, наиболее полно эта проблема освещена в статьях Джона Боулта [1], Наталии Ли [2] и Пегги Вейс [3]. Вопрос этот достаточно сложен в силу того, что немецкий символизм многими своими типологическими чертами был близок русскому. В иных случаях трудно провести между ними разграничительные линии.

Я не ставлю своей задачей ни размежевание компонентов русского и немецкого символизма в творчестве и в теоретических опытах художника, ни утверждение приоритета какого-то одного из них. Речь пойдет о конкретных связях Кандинского с русским символизмом, имеющих многообразные проявления — внешние и глубинные, практически-творческие и теоретические. Попробуем разобрать их в этих разных качествах.

Русский живописный символизм не успел создать устойчивых традиций.